

Т. П. Мокрицкая

СЕМАНТИЧЕСКАЯ И СТРУКТУРНО-МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НЕАДЕКВАТНОСТЬ В ЭКВИВАЛЕНТНЫХ АНАТОМИЧЕСКИХ ОБОЗНАЧЕНИЯХ НА РУССКОМ И ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В рамках современной анатомической терминологии мы обнаружили около 150 пар названий разнообразных структур, представленных латинским термином и его русским эквивалентом, которые в той или иной мере имеют несоответствие в структурном или семантическом отношении. Целью исследования является анализ структурного и семантического аспектов эквивалентных латинско-русских пар терминов, обнаружение возможных схем влияния семантического наполнения терминов на их грамматическую структуру, выявление случаев потери смысла при различных способах номинации одних и тех же анатомических структур на латинском и русском языках.

Целесообразно разделить все обнаруженные эквивалентные пары на несколько групп. Критерием для градации стало наличие структурных различий, семантическое несоответствие и наличие одновременно структурно-морфологических и семантических отклонений внутри латинско-русских пар терминов. Рассмотрим каждую группу подробно.

В первую группу отнесены двуязычные пары, имеющие структурно-морфологическую неадекватность. Среди составляющих ее компонентов преобладают те, у которых латинский термин представлен одной лексической единицей, а русский эквивалент – словосочетанием: *radius* ‘лучевая кость’, *mesenterium* ‘брыжейка тонкой кишки’ и пр. Реже встречается обратный процесс: *dens incisivus* ‘резец’. Основная масса таких терминов сосредоточена в остеологии, среди названий кишок и зубов.

При номинации остеологических объектов на русском языке обязательным является использование словосочетаний, состоящих из существительного *кость* и согласованного с ним прилагательного. Последние, как правило, образованы от соответствующего русского существительного, являющегося переводом латинского термина. Это можно проследить на примере следующих названий: *radius* ‘луч’ → ‘лучевая кость’, *ulna* ‘локоть’ → ‘локтевая кость’, *humerus* ‘плечо’ → ‘плечевая кость’.

Однако термин *humerus* не всегда употребляется в значении ‘плечевая кость’, а иногда приобретает значение ‘плечо’ в более широком

смысле – ‘подвижное округлое возвышение, соответствующее верхне-наружной стороне груди’, т. е. не соотносится с узкоспециальным термином *плечевая кость*. На это указывает термин *articulatio humeri* ‘сустав плеча (плечевой сустав)’, где указывается не только принадлежность его к плечевой кости, но и нескольким другим костям, находящимся в определенной близости с ней. Согласно словарю Карузина слово *humerus* до Цельса использовалось в более широком значении, а после него – в значении ‘плечевая кость’ [5, 116].

Интересующее нас явление несоответствия русских и латинских названий при номинации кишок встречается в 6 терминах: *caecum* ‘слепая кишка’, *colon* ‘ободочная кишка’, *duodenum* ‘двенадцатиперстная кишка’, *ileum* ‘подвздошная кишка’, *jejunum* ‘тощая кишка’, *rectum* ‘прямая кишка’. У четырех из них прослеживается явный процесс субстантивации прилагательных *caecus*, *duodenus*, *ieiunus*, *rectus* в формах среднего рода, изначально согласованных с существительным *intestinum* ‘кишка’. На наличие именно этого слова указывают ныне существующие термины *intestinum crassum* ‘толстая кишка’ и *intestinum tenue* ‘тонкая кишка’. Вероятно, причиной отсутствия в анатомических терминах-названиях кишок слова *intestinum* является тот факт, что все вышеуказанные термины называют отделы толстой и тонкой кишок и не имеют аналогии и сходства с какими-либо другими анатомическими структурами человеческого организма.

Среди названий кишок присутствует уникальный термин *colon* ‘ободочная кишка’, который, в отличие от предыдущих наименований, представляет собой существительное *colon*, которое Карузин считает калькой греческого слова **κ^ολον** (κóλον) ‘обод колеса’ и указывает на сходство формы и расположения этой кишки с данным объектом действительности [5, 68]. Этот латинский анатомический термин не содержит и никогда не содержал какого-либо дополнительного указания на принадлежность его к кишечнику.

Особый интерес с морфологической точки зрения представляет название *ileum* ‘подвздошная кишка’. Мы не можем считать данный термин образованным путем субстантивации прилагательного, т. к. в латинском языке не существует прилагательного *ileus* ‘подвздошный’. В случае возможного использования существующей лексемы *ilium* (*ileum*), происходящей от существительного *ile* ‘брюшная полость, живот, пах’ для номинации этой кишки, могла бы получиться гипотетическая форма **intestinum ilei*. Однако это не привело бы к удалению главного слова *intestinum* из термина, содержащего несогласованное определение. Карузин, однако, указывает на то, что термин *ileum* (от греч. **ε^ιλε³**) ис-

пользовался Галеном в роли существительного в значении ‘заворот кишок и совокупность симптомов при их непроходимости’. Для названия нижнего отдела тонкой кишки слово *ileum* встречается у авторов, писавших после Галена [5, 118]. По неизвестной причине клинический термин стал названием отдела кишечника (возможно, в связи с обозначением того места, где происходит данный процесс, и переносом значения с процесса на место его прохождения).

Среди названий зубов также представлены пары, обладающие структурно-морфологическими отличиями составляющих компонентов. Латинские термины, называющие зубы, всегда состоят из существительного *dens* ‘зуб’ и согласованного с ним прилагательного, несущего функциональную или позиционную характеристику этого анатомического объекта. Но при переходе в русскую терминосистему мы можем обнаружить параллельно существующие термины с использованием существительного *зуб* либо без него: *dentes incisivi* ‘резцы’, ‘резцовые зубы’. В современной анатомической терминологии предпочтительным является использование русского эквивалента *резцы*. Следует отметить, что согласно этимологическому словарю *incisivus* ‘резцовый’ происходит от глагола *incido* ‘вырезать, резать’ и включает в себе функциональную характеристику анатомической структуры, что отражено и в русском эквиваленте *резцовый* ← *резать*.

Вторая группа исследуемых лексических тандемов была сгруппирована по принципу семантического несоответствия между латинским и русским термином, называющим одну и ту же анатомическую структуру.

Названия зубов представлены термином *dentes serotini* ‘зубы мудрости’. Семантическое значение прилагательного *serotinus* ‘запоздалый, запаздывающий’ никак не связано с русским словом *мудрость*, выступающим в роли соответствия при переводе. Латинский эквивалент указывает на время появления этих зубов по отношению к остальным постоянным зубам, которые формируются у человека в период роста всего организма. В то время как русский вариант может быть связан с тем, что в период роста зубов мудрости человек уже является взрослым и обладает определенным жизненным опытом, который можно считать житейской мудростью.

Семантическое несоответствие также наблюдается при переводе терминов *carpus* ‘запястье’, *metacarpus* ‘пять’. Пясть – это отдел кисти, расположенный между запястьем и пальцами. Запястье находится между ладонью и предплечьем. Латинские эквиваленты представляют собой пару, где *metacarpus* является производным от *carpus* с помощью

префикса (**meta-** ‘после, за’ + **karp3-** ‘кисть руки’). В то время как русский эквивалент термина *metacarpus* существительное *пясть* является простым словом, которое стало производящей основой для существительного *запястье*. Оно образовано с помощью приставки, идентичной по значению греческому префиксу.

Пара терминов *cilium* ‘ресница’, *supercilium* ‘бровь’ в латинском языке имеют четкую деривационную связь, которая представлена префиксальным образованием *supercilium* от *cilium* (приставка *super-* со значением ‘над’). Русский эквивалент слова *supercilium* в виде кальки отсутствует (**над ресницами*), вместо него используется существительное *бровь*, не имеющее никаких морфологических и семантических связей с лексемой *ресница*.

Наиболее многочисленной и разнообразной по составу оказалась третья группа эквивалентных наименований, у которых проявились и семантические и морфологические несоответствия. Рассмотрим тематические группы в порядке убывания количества исследуемых терминов.

Названия волос стали объектом анализа по причине обязательного наличия в их русском названии указания на их местоположение. Всего таких названий 6, среди которых одно представляет собой общий термин *pilus* ‘волос’. Остальные названия обязательно содержат уточнения о месте расположения волос: *tragi* ‘волосы уха’, *vibrissae* ‘волосы ноздрей’, *hirci* ‘волосы подмышки’, *pubes* ‘волосы лобка’, *capilli* ‘волосы головы’. Вышеуказанные лексемы существуют в терминологии достаточно давно. Особый интерес с точки зрения этимологии представляют *tragi* и *hirci*, которые происходят от *tragus* ‘козел’ и *hircus* ‘козел’ соответственно. Несмотря на их одинаковое значение, в медицинской терминологии существует определенная разница. Волосы уха получили свое название в связи с тем, что словом *tragus* изначально называли только возвышение на ушной раковине в виде клапана, расположенное впереди отверстия наружного слухового прохода. Иногда у пожилых людей в этом месте виден пучок волос, торчащий из слухового прохода. Таким образом, волосы получили название, идентичное названию места, где они расположены. В отличие от *tragi*, существительное *hirci* использовалось для номинации волос подмышки в связи с тем, что острый запах пота в этом месте напоявляет козлиный. Карузин утверждает, что термин *hirci* мог означать также и волосы уха [5, 115].

Не менее интересен термин *capilli* ‘волосы головы’, который Карузин считает созданным на основе словосочетания *capitis pilus* с тем же значением (путем сложения частей основ с удвоением согласного). В классической латыни данный термин обозначал не только волосы го-

ловы, но и волосы в других местах организма человека, и даже шерсть животных [4, 119].

Термин *pubes* ‘лобковые волосы лиц обоего пола’ в анатомической терминологии стал использоваться и в значении ‘лобок, лобковая кость’, что подтверждает тот факт, что анатомическая терминология неохотно включает в себя новые лексемы для обозначения возникающих структур, а использует уже известные названия в других ракурсах.

Рассмотрим лексему *vibrissae* ‘волосы ноздрей’ с этимологической точки зрения. Согласно словарю Карузина она является производной от глагола *vibro* ‘качаю, дрожу’, *vibrisso* ‘делаю трели’. Эти волосы так названы, возможно, потому, что при их вырывании вздрагивает голова. Однако существует еще одно предположение, согласно которому так изначально называли усы кошки, а позже перенесли это название на человека [5, 237].

Особый интерес для анализа представляют пары *fibula* ‘малоберцовая кость’ и *tibia* ‘большеберцовая кость’. В русском варианте оба названия характеризуют кости ног с точки зрения величины и принадлежности к бедру. В латинском же варианте данные названия имеют другую этимологию: *tibia* ‘дудка, которая изготавливалась из больших берцовых костей крупных домашних животных’, *fibula* ‘застежка, игла’; по внешнему сходству так были названы соответствующие кости животных, и названия перенесены на кости человека.

Не менее интересен термин *talus* ‘таранная кость’, который, как и в предыдущем случае, несколько отличается по семантическому составу в двух языках. Согласно словарю Дворецкого *talus* ‘особый вид игральной кости с четырьмя знаками, на которую по форме похожа одна из костей пятки’ [4, 759]. Русское прилагательное *таранный* явно происходит от существительного *таран* в значении ‘орудие для разрушения крепостных стен – бревно с наконечником, укрепленное на подвижной деревянной башне’ [6, 685]. Для названия данной кости в русском и латинском языках использовался принцип сходства по форме с предметом реальной действительности, но предметы при этом использовались разные.

В числе исследуемых названий рассмотрим также термин *os sacrum* ‘крестец’, в связи с отсутствием в русском варианте слова *кость* и некоторыми отличиями в семантике латинского и русского названий. В анатомической терминологии для обозначения данной структуры существует дублирующее название *vertebrae sacrales* ‘крестцовые позвонки’, которое содержит однокоренное с *sacer* прилагательное *sacralis* с идентичным значением ‘святой, священный’. Это название является

прямым переводом греческого термина $\kappa\rho\epsilon\sigma\tau\eta\varsigma$. Русское слово *крестец* имеет деривационные связи с существительным *крест* и является его суффиксальным производным. Название крестца связано с тем, что он своими пятью сросшимися позвонками похож на маленький крест [7, 155].

Названия больших и малых коренных зубов – *dentēs molares* и *dentēs premolares* на русский язык обычно переводятся *моляры* и *премоляры* без участия слова *зубы*. Эти названия образовались путем транслитерации соответствующих латинских прилагательных. Однако данные зубы часто называют *большие коренные зубы* и *малые коренные зубы*, что семантически никак не связано со значением слова *molaris* в латинском языке: оно является производным от глагола *molo* ‘молоть, перемалывать’ и может использоваться в значении ‘мельничный’ в словосочетании *lapis molaris* ‘мельничный жернов’. Латинское прилагательное явно указывает на функцию данных зубов в процессе употребления пищи – пережевывание и максимальное измельчение перед проглатыванием. Русское же название указывает, прежде всего, на наличие корня у зуба (у всех зубов есть корни, но только эти характеризуются по такому признаку) и размер (большой – малый). В латинском эквиваленте отсутствует указание на величину зубов, вместо этого префиксальным способом, путем добавления приставки *pre-* со значением ‘перед, до’, достигается пространственная характеристика местоположения зубов (*premolaris* ‘находящийся перед моляром в зубной дуге’).

Примечательно то, что и названия челюстей в русском и латинском языках существенно не совпадают по семантическим параметрам. В русском варианте названия челюстей различаются указаниями о расположении: *верхняя* и *нижняя*. В то же время в латинских эквивалентах в роли деривационных основ выступают разные слова: *mandibula* ‘нижняя челюсть’ происходит от глагола *mando* ‘жевать’; *maxilla* ‘верхняя челюсть’ является уменьшительным от *mala* ‘челюсть, щека’ [4, 467].

Рассмотрим термин *platysma* ‘подкожная мышца шеи’. Эта мышца является тонкой и широкой и находится в области шеи, но в латинском слове четко прослеживается этимологическая связь с греческим прилагательным $\pi\lambda\alpha\tau\upsilon\varsigma$ ‘плоский’ без всякого рода указаний на локализацию данной анатомической структуры. В то время как русский эквивалент дает более полное описание месторасположения объекта.

Приступая к характеристике лексического состава анатомической терминологии, необходимо учитывать тот факт, что она формировалась в течение длительного временного периода, что, в совокупности с су-

ществованием терминологии в билингвистическом измерении, оказало огромное влияние на морфологические и семантические особенности составляющих ее терминов. Следствием этого, несомненно, стало наличие неоднородных наименований в рамках одной тематической группы (названия зубов, кишок и пр.) как внутри латинской терминосистемы, так и в русском ее эквиваленте. Но не только это стало подоплекой возникновения полных или частичных несоответствий семантического и структурно-морфологического характера внутри латинско-русских пар эквивалентных анатомических обозначений. В первую очередь несоответствия связаны с лексико-грамматической структурой каждого языка, ибо большинство терминов ведет свое происхождение от общеупотребительного языка и его законы продолжают действовать и в случае перехода лексических единиц в какую-либо профессиональную систему терминов.

Мы установили, что структурно-морфологические отличия встречаются у большего числа пар, в то время как семантическое несоответствие затрагивает те термины, которые в общеупотребительном языке существуют достаточно давно, чтобы не быть замененными новыми лексико-грамматическими структурами, созданными с помощью калькирования или транслитерации. Это термины *ресница*, *челюсть*, *бровь* и пр. Однако зафиксированы случаи, когда производные от латинских наименований таких терминов переводятся путем транслитерации: *manus* – *рука*, но *manualis* – *мануальный*. Семантические отличия также могут быть связаны с принципом, послужившим основой для номинации в разных языках: некоторые наименования волос в латинской анатомической терминологии получили свои названия из-за сходства с качествами животных (*tragi*, *hirci*), в то время как русские эквиваленты дают четкие указания о месторасположении волос на теле человека (*волосы подмышки*, *волосы уха*).

В процессе анализа терминологических единиц мы снова находим подтверждение тому, что анатомическая терминология (латинская и русская) в процессе своего развития стремится к упрощению за счет усечения термина путем изъятия из него слов, не обладающих смыслоразличительной функцией: *duodenum* вместо *intestinum duodenum*, *резец* вместо *резцовый зуб*. Это не противоречит основным задачам анатомической терминологии (номинация и дифференциация), поскольку упрощение касается только терминов, которые не требуют дополнительных средств для дифференциации одних анатомических объектов от других по причине отсутствия схожих структур в разных частях организма.

Литература

1. *Walde, A.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch / A. Walde. Heidelberg, 1938–1954.
2. *Арнаутов, Г.* Медицинская терминология / Г. Арнаутов. София, 1979.
3. *Дворецкий, И. Х.* Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. / И. Х. Дворецкий. М., 1958. 2 т.
4. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М., 2000.
5. *Карузин, П. И.* Словарь анатомических терминов / П. И. Карузин. М.; Л., 1928.
6. *Ожегов, С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. М., 1985.
7. *Шанский, Н. М.* Этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М., 1994.
8. *Фениш, Х.* Карманный атлас анатомии человека на основе Международной номенклатуры / Х. Фениш, при участии В. Даубера; пер. с англ. С. Л. Кабак, В. В. Руденок; под ред. С. Д. Денисова. Минск, 1996.

УДК 80(082)
ББК 80я43
Ф54

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент *А. В. Гарник*;
кандидат филологических наук, доцент *О. Г. Прокончук*;
кандидат филологических наук, доцент *А. З. Цисык*;
кандидат филологических наук, доцент *Г. И. Шевченко*;
старший преподаватель *К. А. Тананушко*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *А. А. Кожина*;
кандидат филологических наук, доцент *Т. П. Казакова*

Ф54 **Филологические** штудии = *Studia philologica* : сб. науч. ст. /
под ред. Г. И. Шевченко, К. А. Тананушко ; редкол. : А. В. Гарник
[и др.]. – Вып. VII. – Минск: БГУ, 2009. – 163 с.
ISBN 978-985-518-201-7.

В седьмом выпуске сборника «Филологические штудии» представлены статьи, посвященные проблемам классической филологии, рецепции античной культуры в европейскую, греко-латинской терминологии, даются переводы латинских текстов на белорусский язык.

УДК 80(082)
ББК 80я43

ISBN 978-985-518-201-7

© БГУ, 2009

ОБ АВТОРАХ

Гарник Антонина Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Гомон Дмитрий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Забродская Ольга Святославовна – преподаватель латинского языка юридического колледжа Белорусского государственного университета.

Капитула Людмила Семеновна – доцент кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Кириченко Арина Владимировна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Кузнецова Елена Леонидовна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мокрицкая Татьяна Петровна – преподаватель кафедры латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Мушнинна Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романского языкознания Санкт-Петербургского государственного университета им. А. И. Герцена.

Нарбутас Сигитас – доктор гуманитарных наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела иностранной литературы Института литературы и фольклора Литовской Республики.

Некрасевич-Короткая Жанна Вацлавовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современных иностранных языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Приставко Егор Владимирович – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Прокопчук Ольга Генриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Сединина-Барковская Юлия Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Стрижевич Екатерина Викторовна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Тананушко Кир Алексеевич – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Федосеева Татьяна Валерьевна – преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.

Цисык Андрей Зиновьевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой латинского языка и медицинской терминологии Белорусского государственного медицинского университета.

Шевченко Галина Ивановна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классической филологии Белорусского государственного университета.

Шкурдюк Ирина Анатольевна – старший преподаватель кафедры классической филологии Белорусского государственного университета.